

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

МАРИНА
МАРТОВА

РАЗВОД БЫВШАЯ ЖЕНА

МЭРА

18+

Марина Мартова

Развод. Бывшая жена мэра

«Автор»

2026

Мартова М.

Развод. Бывшая жена мэра / М. Мартова — «Автор», 2026

Яна останавливается у края стола и юбку беззастенчиво приподнимает, оголяя загорелые бёдра и ажурные резинки чулок. Молодая. Красивая. Наглая. А я смотрю в зелёные глаза мужа и понимаю, что он не оттолкнёт её и не остановит. В его взгляде желание, страсть, азарт. После аварии я стала непрезентабельной, так сказал муж и выкинул меня на обочину своей жизни, как ненужный покалеченный элемент. У меня был выбор: сломаться и сдаться судьбе на милость или драться за своё и никогда не сдаваться! Я выбрала второй вариант и теперь, спустя пять лет, вам лучше не стоять на моём пути, господин мэр! Встречается ненормативная лексика, жестокие и откровенные сцены.

Марина Мартова

Развод. Бывшая жена мэра

Глава 1

Алёна

Она подходит к нему медленной сексуальной походкой. Останавливается перед ним и юбку беззастенчиво приподнимает, оголяя загорелые бёдра и ажурные резинки чулок.

Молодая. Красивая. Наглая.

Наклоняет голову набок и выдёргивает длинную шпильку из строгой причёски, и её светлые локоны тут же рассыпаются водопадом по спине и плечам...

«Красиво» сказала бы я, но в этот момент моё сердце едва бьётся и умирает от боли.

Девушка начинает расстёгивать песочного цвета блузку, и гладкий шёлк вскоре падает вниз к её стройным ногам.

А я смотрю в зелёные глаза мужа в этот момент и понимаю, что Миша не даст ей уйти, не оттолкнёт и не остановит.

Я всё вижу в его пылающем взгляде.

Желание. Страсть. Азарт.

И словно слыша мои мысли, ладонь мужа ложится на её тонкую талию и притягивает соблазнительницу к себе... бесстыдно, по-собственнически прижимает к себе дочь своего нового инвестора Яну.

Да, я знаю её – это новая помощница моего мужа, Яна Садальская, кажется, двадцати пяти лет от роду.

Яна... красавица, отличница... и обычная шлюха.

Почти не дышу... смотрю на любовников, и душа моя разрывается в мелкие клочья, а внутри всё горит, полыхает как адское пекло.

Каждое его касание, каждое слово, каждый её протяжный стон острым скальпелем полозуют моё едва бьющееся сердце и, не останавливаясь, наносят всё новые и новые кровавые раны.

Задыхаюсь от боли.

Пальцами до хруста сжимаю смартфон... и не выдерживаю, когда его губы в жадном поцелуе касаются её губ... что-то умирает во мне, словно натянутая струна со звоном рвётся... и наступает агония.

Не могу больше держать эту адскую боль в себе.

Хочу закричать, но голос пропадает, а губы не двигаются, и лишь слёзы прозрачным жемчугом стекают по моих похолодевшим щекам.

- Алёна Сергеевна, простите, - Иван закашливается и обращаясь впервые не смотрит мне в глаза, а я не смотрю на него, - куда... куда поедem?

Да, я по глупости не выключила звук, когда прошла по пришедшей мне ссылке, и, конечно, Иван всё слышал и понял, что произошло.

Наверно, мне должно быть стыдно... но мне всё равно.

Столько раздражающей кипящей боли внутри, что нет сил думать о чём-то другом.

Свернуться бы сейчас калачиком на кровати, укрыться одеялом и проспать следующие тысячу лет, чтобы не полыхал больше в груди этот страшный пожар... чтобы не думать, не чувствовать и не видеть их переплетённые в порыве страсти тела...

Пальцы предательски подрагивают, когда я нажимаю на паузу и онлайн-трансляция прерывается. Медленно откладываю телефон на сидение рядом с собой и глохну, тону в обступившей меня тишине.

Складываю руки на колени, поворачиваю голову и пустым взглядом смотрю в окно. Чувствую, как несколько тёплых капель стекают по щекам... и вдруг страшные... недопустимые мысли ярко вспыхивают в моём сознании и громким набатом звучат в этой удушливой тишине.

«Ещё есть время сделать вид, что я ничего не видела. Стереть память телефона или просто потерять его, а Иван... Иван будет молчать».

«Есть возможность закрыть на всё глаза и жить дальше той жизнью, которой я жила раньше. Ведь понятно, что Миша изменяет мне не впервые. Я видела, он не удивился приходу любовницы и слишком по-собственнически он смотрел на неё, трогал, обнимал, целовал».

Горечь растекается на языке от этих мыслей, от своей слабости в этот момент, а перед глазами снова возникает их поцелуй... и я понимаю – я не смогу.

Не смогу смолчать.

Не смогу смотреть ему в глаза.

Не смогу встречать его как прежде улыбкой и шептать ему ласково «мой любимый».

Я не смогу!

Решение приходит сразу, и в этот момент в голове всё проясняется. Я, наконец, делаю полной грудью первый не обжигающий горло вдох... первый глоток моей новой жизни.

Быстро вытираю пальцами слёзы, поворачиваюсь к водителю и уверенно произношу:

- В офис к Михаилу Алексеевичу, Иван.

Мужчина бросает на меня в зеркало заднего вида нечитаемый взгляд, несколько мгновений просто смотрит, а потом всё-таки тихо уточняет:

- Вы уверены, Алёна Сергеевна?

Встречаюсь с Иваном глазами, хочу сказать, что не нужно меня жалеть, но вижу в его взгляде не жалость и не сочувствие, а только искреннюю заботу.

Сквозь боль в груди всё-таки заставляю себя улыбнуться.

- Да, Иван, - киваю и, наконец, прерываю наш зрительный контакт, - я уверена.

Не закрою глаза.

Не прощу.

Не забуду.

И пусть сердце разрывается в клочья, я не предам себя!

- Хорошо.

Иван кладёт руки на руль и устремляет свой взор на дорогу. Машина с тихим шорохом шин трогается с места, и мы отъезжаем от загородного дома.

Днём дорога почти свободна, Иван быстро разгоняет автомобиль... и вдруг резкий сильный удар в правый бок.

Головой бьюсь о дверь, страх мгновенно затмевает все предыдущие эмоции.

- Держитесь!!! – кричит Иван, а машина на огромной скорости виляет по дороге.

Сердце прыгает в горло, а уши закладывает от ужасного скрежета. Паника быстро заполняет сознание, и я намертво вцепляюсь в ручку двери, а через секунду ещё удар, и наш автомобиль выталкивают с дороги и отправляют в глубокий кювет.

Мы несколько раз переворачиваемся.

Руками упираюсь в потолок и с ужасом понимаю, что он мнётся под пальцами словно обычный картон. Голова кружится, откуда-то капает кровь. Даже сквозь запах бензина я чувствую её металлический запах и ощущаю её теплоту на руках и лице.

Безумно тошнит, нет сил больше держаться, почти теряю сознание... и вдруг машина замирает, и в этот момент приходит боль... боль, которая адским огнём прошивает всё тело.

- Ааааа!!! – ору из последних сил, но не могу удержать себя в сознании.

Глаза закрываются, и я начинаю проваливаться в темноту... под громкие стоны Яны с включившейся вновь трансляции:

- Ещё, Миша! Ещё!

Глава 2

Михаил

Телефон на столе начинает играть знакомой мелодией, когда я заправляю в брюки рубашку. Хмуро смотрю на него, вот совсем не вовремя сейчас.

Вижу, что с экрана на меня поглядывает Пашка.

Начальник безопасности и мой бывший одноклассник. Долго работал в органах, прошёл несколько горячих точек, поэтому, наверно, опасность чувствует за версту.

Мне повезло его уговорить устроиться ко мне на работу.

Телефон продолжает звонить и надо бы ответить, но не хочу сейчас ни с кем разговаривать.

Без меня справятся, уверен, Пашка во всём разберётся.

Быстро застёгиваю ширинку и ремень.

Угар страсти пропал и во рту растекается неприятное послевкусие, ноздри раздуваются от злости, а пальцы сжимаются в крепкие кулаки.

Слабак!

Снова не удержался.

Алёнку свою опять предал.

Бросаю хмурый взгляд на Яну.

Она несколько не стесняется, не торопится надеть на себя короткую юбку, так и продолжает стоять передо мной в одних чулках и кружевном белье, только вот сейчас уже ничего во мне не дрогнет.

Хватит, накушался и на сегодня, и на все следующие годы.

Нахавался, придурок!

- Оденся, - коротко бросаю ей, никак не реагируя на её призывно оттопыренную задницу, и подхожу к скрытой двери, за которой находится санузел.

Включаю холодную воду, наполняю полные ладони воды и умываюсь несколько раз.

На душе паршиво, будто там кошки нагадили, а в груди отвратительно ноет.

Бляяя...

Поднимаю голову и смотрю на своё отражение.

Вот какого чёрта ты сделал это снова?!

Кретин!

Опять повёлся на дешёвые уловки молоденькой пигалицы.

Бляяядь! Ну что за кретин, а?!

Упираюсь руками в края раковины и наклоняюсь над ней, глаза закрываю. Виски гудят, рваный усталый пульс отдаётся в ушах, а сердце грохочет так, будто хочет вырваться из груди.

Вздрагиваю, когда чувствую, как Янкины тонкие пальцы касаются моей спины, легко проводят по ней подушечками, а потом осторожно поглаживают острыми коготками.

Твою мать...

Резко ловлю рукой её пальцы, перекочевавшие уже на мой живот и подбирающиеся к пряжке ремня.

- Тебе пора, Яна, - без тени сомнения говорю, и мы сталкиваемся с ней взглядами в зеркале.

Тяжёлое напряжение между нами ощущается сейчас даже кожей, но Яна лишь медленно облизывает кончиком языка свои ярко-алые губы и призывно смотрит в глаза моему отражению, попадая прицельно в меня.

Сглатываю вставший в горле ком.

Не понимаю, что ей от меня нужно?

Девчонка молоденькая совсем, а мне уже сорок.

Влюбилась?

Не думаю.

Папашка её так ко мне подбирается?

Возможно-возможно.

Что ж, экзамен на верность я с треском провалил, но пусть не думает, что сможет использовать это как-то.

Пожалуй, нужно Пашке дать задание всё проверить и подчистить хвосты, где необходимо.

- Больше не приходи ко мне. Я тебя уже предупреждал, Яна, - добавляю угрозу в голос, - появишься ещё раз здесь не по делу и придётся попрощаться с этой работой.

- Даже папу моего не боишься? – только дерзко улыбается мне, зараза!

Совсем от рук отбилась, нет, так не пойдёт!

- Не боюсь, Яна. Я один, а желающих вложиться в меня много, поэтому, если ты хотела припугнуть меня своим отцом, то не выйдет, - мала ещё пигалица, чтобы поймать меня за яйца!

Отодвигаю девчонку и выхожу обратно в кабинет.

- Миш, ну не обижайся на меня, - Яна выходит вслед за мной, подбирает свою одежду и быстро одевается, - ты мне, правда, нравишься. Я хотела бы с то...

Резко оборачиваюсь и обрываю её.

- Нет, Яна! Хватит! Больше никаких встреч! Мне это не нужно! – впервые повышаю на неё голос.

- Это всё из-за твоей клуши-жены, да?! – зло выкрикивает, и я не выдерживаю, глаза опасно кровью наливаются.

Хватаю мелкую гадину за горло и приподнимаю ближе к своему лицу, так, что ей приходится встать на носочки, и вот теперь я отчётливо вижу страх в её голубых наглых глазах.

- Не смей слова говорить о моей жене! – тихо, вкрадчиво произношу, но в голосе моём звенит раскалённая сталь и Яна это прекрасно чувствует, вижу, как расширяются от страха её зрачки, - ты – никто для меня, уяснила?!

Дожидаюсь от Яны слабого кивка и отшвыриваю её от себя. Она запинаясь за ковёр своими каблучищами, но не падает.

- Ты ещё пожалеешь об этом! – шипит, хватаясь руками за горло, несколько секунд прожигает меня злым взглядом и, громко хлопнув дверью, выбегает из моего кабинета.

Смотрю ей в след и натужно выдыхаю.

Сам виноват.

Сам вляпался в это дерьмо.

Бля, как же всё паршиво!

Со злостью скидываю со стола стопку бумаг и падаю в кресло. В этот момент телефон на столе снова звенит громкой трелью, и я, вздохнув, наконец, отвечаю:

- Слушаю, Казаринов, - громче, чем нужно говорю.

- Миха! Алёна попала в аварию! – кричит Пашка.

Что бляяя??

Внутри всё вмиг холодеет от ужаса. Я вскакиваю с кресла и ору в трубку:

- Где она?! Алёнка жива?!

Глава 3

Михаил

- Что с ней?! – громыхаю вопросом, едва заведя Пашу в широкий коридоре больницы.

На меня кто-то шикает, но я не обращаю внимания. Сейчас я взвинчен до предела, поэтому лучше пусть не лезут ко мне!

Сам не знаю, как долетел до приёмного покоя. В голове полный бардак, руки подрагивают впервые в жизни, а в груди разливаются жгучее волнение и тревога... а ещё, я чувствую опасность, кожей её липкий яд ощущаю и понимаю, что не просто так всё произошло!

Суки-конкуренты постарались через Алёнку меня из кандидатов выдать?!

Хрен у них получится!

Растопчу всех, раздавлю своими руками, а жену спрячу так, что никто больше её не найдёт!

Паша слышит меня и оборачивается, идёт навстречу, а я широкими шагами быстро преодолеваю отделяющее нас расстояние.

- Что с ней?! – повторяю, и мой вопрос гулким эхом отражается от больничных стен.

- Успокойся, - почти рычу и пропускаю это идиотское слово мимо ушей, ноздри раздуваются, а сознание вскипает от лютого напряжения, - жива Алёна, жива, и сейчас её жизнь вне опасности.

Внимательно смотрю в глаза своему старому другу и понимаю, что темнит. Ни хрена не нормально всё с Алёнкой.

- Что. С. Ней?! – рычу и нависаю над Пашкой скалой, - туфту мне не гони! Я же по твоей роже вижу, что дерьмово всё! – хватаю его за грудки и цежу в лицо, начбез не вырывается, видит, что я сейчас на взводе, - Пашка, нормально мне скажи, что с Алёной!

- Миха, врач тебе правильнее и подробнее всё расскажет, но я понял, что у неё сложный перелом левой ноги и множественные ожоги на теле.

Тяжело нутужно выдыхаю и отшатываюсь назад. Пальцы сами разжимаются, освобождая Пашку от моей хватки.

Внутри жжёт огнём.

Это я виноват!

Не уберёг любимую, не уследил, отдал на растерзание этой политической шобле!

Руки сами сжимаются в крепкие кулаки, и я резко, до острой боли бью в больничную стену... ещё и ещё раз.

Идиот!

Оставил её без нормальной охраны, а ведь Паша меня предупреждал, но я же, бя, самый умный!

Осёл я!

- Мих, прекрати, - друг ловит меня за руку, и всё во мне вдруг сдувается.

Нет силы, нет власти, нет ничего, только едкая горечь растекается на языке.

Я не уберёг свою женщину.

- Где Алёна сейчас? – сипло спрашиваю. Горло мгновенно пересыхает.

- Минут двадцать назад увезли на операцию.

- Хорошо, - киваю, а в голове гул нарастает, - скажи врачам, что я любые деньги, препараты, оборудование... всё, что угодно! – поворачиваюсь к Паше, смотрю ему в глаза и сиплым шёпотом договариваю, - пусть только Алёнку спасут, я всё, что им нужно достану, мировых светил привезу, только пусть она выживет.

Несколько часов брожу по пустым коридорам больницы. Иногда подхожу к прозрачным дверям, стекаю по стене и долго сижу около них.

Алёнку увезли на операцию, её водителя Ивана тоже.

Мне сказали, что это он вытащил мою жену из покорёженного автомобиля и закрыл её собой во время взрыва.

Он, а не я.

Чужой мужик оказался ближе... а где был в это время я?

- Ааааа!!! – рычу словно раненный зверь.

Руками сжимаю голову и бьюсь затылком о стену.

Пока моя женщина умирала и нуждалась в моей помощи и защите, я молодуху-любовницу над столом нагибал!

Бляяя...

Совість давить нещадно.

Виноват!

По всем статьям виноват!

Бестолковое сердце своё хочется выдрать сейчас к херам и набить себе морду!

В кармане телефон в очередной раз вибрирует на беззвук, и, наверно, чтобы просто вылезти из паршивых мыслей о том, в какое дерьмо я себя и жену загнал, я не глядя отвечаю на звонок:

- Слушаю, Казаринов.

- Здравствуй, Михаил Алексеевич, как твоя жена? – спрашивает меня механический голос, и я быстро подсакиваю вверх. Пульс мгновенно ускоряется, а сердце больно бьётся о рёбра.

Вот эта тварь!

Сволочь, покусившаяся на мою Алёну!

Глава 4

Михаил

- Кто ты, гнида? – тихим ядовитым голосом цежу в динамик, - я же всё равно тебя достану! Будь мужиком, приходи, поговорим один на один или ты только с женщинами воюешь?! – мой голос вибрирует от напряжения, а ярость пульсирует тупой болью в висках.

Дыхание тяжёлое хриплое. Внутри все переворачивается от злости.

Думаю об Алёнке, и пальцы сами непроизвольно до хруста сжимаются в крепкие кулаки, желая свернуть шею одному зарвавшемуся ублюдку.

Жду его ответ, прекрасно понимая, что струсит. Такие твари удары наносят исподтишка, никогда не идут в лобовую атаку, не дерутся один на один.

Ссыкло.

В трубке вдруг раздаётся хриплый неестественный смех, и меня просто взрывает от лютой ярости.

Сучонок!

Алёнка на операции, а эта тварь ещё смеет смеяться!

Отдвигаю телефон от уха и быстро оглядываюсь по сторонам. Злость рвёт изнутри, жилы выкручивает, ядом все разъедает.

Всё равно найду эту гниду и своими собственными руками придушу!

Пока эта гниль развлекается, ищу глазами своего начбеза, но не вижу его.

Чёрт!

Быстро иду вперёд по пустому коридору, заглядываю к кофейному аппарату, но и там никого не нахожу.

Куда же ты делся, Паша?!

Сворачиваю за угол и иду к палате, около которой в последний раз видел друга.

- Не торопись, Миша, - своим скрипучим голосом царапает слух эта падаль, - Павел Евгеньевич вынужден был срочно отъехать, - и снова в трубке раздаётся механический смех.

Я не боюсь своих врагов, привык смотреть им в глаза, но теперь отчётливо понимаю, что крайне недооценивал их.

- Где Паша? Что с ним?! – зло спрашиваю, а у самого по спине холодок пробегает.

Если он решил устранить Алёнку, то и Пашку вполне может тронуть. Он моя правая рука, мои глаза и уши, только ему я доверяю всецело.

Не будет моего начбеза рядом и выдавить меня из уже начавшейся предвыборной гонки будет значительно проще.

- Ну-ну, я же не маньяк. Мне вполне хватило сегодняшних приключений, а вот твои забавы обойдутся тебе очень дорого, Миша.

Сразу понимаю, что он про Яну.

Нет, у меня бывают косяки по работе, но они не настолько глобальны, чтобы за них меня линчевали.

Ну не тянут они на шантаж... а вот любовница – это другое дело!

Тут пахнет не только жареным, тут за милю несёт вывороченным на люди грязным бельём и зловонными новостями в эфире.

Это, чёрт возьми, пахивает крахом моей карьеры в министерстве и попаданием люто мимо кресла мэра.

Чёрт.

Дорого мне обходится твоя упругая задница, Яночка!

- Что тебе нужно? – спрашиваю, прекрасно зная ответ, но ещё на что-то надеюсь.

- Ты же прекрасно понимаешь, Миша, что мне нужно. Откажись от участия в выборах, и твоя жизнь станет такой же прекрасной как прежде.

Хмыкаю, а в груди ярость вскипает.

Такой же как прежде, да?

- А как же моя жена? – шиплю, сжимая телефон в руке до хруста, - она будет такой же как прежде?!

- Ты сам не понял предупрежд...

- Слушай сюда, уёбок! – грубо обрываю эту пададь, - если ты думаешь, что я прогнусь и спущу на тормозах то, что ты, гнида, сделал с моей женой, то ты очень плохо меня знаешь! Алёну я никому не прощу! Ходи и оглядывайся, скоро мы с тобой встретимся!

С остервенением жму на красную кнопку и обрываю звонок.

Внутри всё кипит, и я несколько секунд глубоко рвано дышу, чтобы унять бешено бьющееся сердце, а потом звоню Паше.

- Где ты?! – громче, чем хотел спрашиваю, а душе в этот миг тихая радость и такое облегчение растекаются от того, что друг быстро ответил на звонок.

- Беда у нас, Миха. Яна пропала.

- Да и чёрт с ней!

- Мих, ты кажется не понимаешь, если...

Дальше я не слушаю, скидываю звонок, так как вижу, что из прозрачных дверей выходит, наверно, хирург в цветастой медицинской шапочке и с весьма усталым выражением на лице.

Бросаюсь к нему, по пути запихивая телефон в карман брюк.

- Доктор, как моя супруга? – громко спрашиваю, ещё не дойдя до мужчины, и резко останавливаюсь будто впечатываюсь в прозрачную стену, когда слышу:

- Сожалею, ран было слишком много, кровопотеря большая...

Дальше не понимаю ни слова. Сердце стремительно ухает вниз, а глаза наливаются кровью.

Что, он сказал?!

Алёна умерла?!

Глава 5

Михаил

Он что-то без остановки говорит, а я только вижу, как его губы шевелятся и ни черта не слышу. В голову словно вату понапихали. Пульс рваным ритмом бьёт по вискам, в ушах стоит страшный гул.

- Я... я не понимаю, что Вы пытаетесь мне сказать? – в горле пересыхает, и каждое слово будто наждачкой дерёт его, - Алёна... моя жена, она что умерла??

Сам не понимаю, как смог произнести это.

Горячая волна ужаса проносится внутри, ошпаривая меня. Чувствую, как руки начинают подрагивать, и всё тело становится ватным.

Впиваюсь глазами в застывшего передо мной доктора.

- Нет-нет, пациентка жива. Вы не так меня поняли, - да, что ж ты с этого не начал?! Я ж сам чуть не помер!

Громко протяжно выдыхаю и полной грудью зачерпываю новую порцию больничного кислорода, немного расслабляюсь. Безумный страх потери Алёнки на несколько шагов отступает, но не отпускает меня полностью.

- Скажи мне человеческим языком, - подхожу к застывшему перед мной доктору и без обиняков сразу перехожу на «ты», просто нет сил играть сейчас в приличного дядьку-политикана, - что с моей женой?

- Конечно, - доктор тоже облегчённо выдыхает. Видимо думал, что я орать буду или физиономию его смазливую попорчу, - у пациентки ожоги разной степени тяжести с левой стороны на ноге, руке и шее, открытый перелом на правой ноге, множественные ушибы и ссадины, порезы, сотрясение... это, если вкратце.

- Но она будет жить? – всё ещё сипло, но уже спокойнее спрашиваю и не спускаю с молодого доктора внимательных глаз.

- Да, но в последствии понадобится долгая реабилитация. Уйдут месяцы, возможно, годы на полное выздоровление и восстановление организма и его функций. Вашей супруге повезло, что её вовремя вытащил и закрыл собой мужчина, который был с ней.

Последняя фраза коробит, и волна ревности оторопью проходит по телу, приподнимая на руках все чёртовы волоски.

- Это наш водитель, - зачем-то уточняю и перевожу хмурый взгляд вниз, не хочу, чтобы доктор заметил мою растерянность и тут же вспыхнувшую на себя злость.

Обычно я в состоянии держать свои чувства в узде и не показывать их, но сейчас просто нет на это сил.

- Ясно, - сухо произносит мужчина и кивает, - он в соседней операционной, парню досталось гораздо сильнее, к сожалению.

Тут же вскидываю голову, снова ловя взгляд доктора.

- Послушайте, если нужны какие-то медикаменты, оборудование или есть необходимость пригласить любых специалистов, чтобы облегчить состояния жены и Ивана, просто, скажите, я всё сделаю.

- Эмм... хорошо, но в настоящий момент нам ничего не требуется.

- Хорошо, - киваю, - а когда я смогу увидеть Алёну?

- В ближайшее время она будет в реанимации, как только состояние пациентки стабилизируется, мы переведём её в палату, там разрешены посещения.

Доктор уходит, а я прислоняюсь лбом к оконному стеклу.

Надо успокоиться и остыть.

Алёна жива и это самое главное!

Всё остальное можно исправить.

Несколько минут стою в пустом коридоре, а потом достаю телефон и набираю Пашу.

- Давай ещё раз. Что случилось?

- Яна пропала. Ушла после работы домой, но до сих пор не появилась там. Телефон выключен. Отец волнуется, она никого не предупредила, что задержится. Ты же в курсе – там тотальный контроль у папаши.

- Загуляла? – спрашиваю и чувствую, как внутри словно ржавым гвоздём скребёт противное липкое чувство.

Паша вздыхает. Он знает о нашем недолгом романе. Ему по долгу службы положено всё знать.

- Не уверен... или, может, между вами что-то произошло, и она хвостом решила крутануть?

- Я сегодня разорвал с ней отношения. Яна была не в восторге.

- Ясно. Буду искать.

Сбрасываю звонок, но телефон тут же вибрирует новым сообщением.

Открываю и холодею от того, что вижу.

Яна испуганно смотрит в камеру, блузка на груди порвана, во рту кляп, а под фото подпись:

«Хочу развлечься с твоей малышкой, ты ведь не против?»

Глава 6

Михаил

- Почему сразу не сказал, про угрозы, про звонки? Какого чёрта ты всё это время молчал?! – словно пацана отчитывает и зло смотрит на меня Паша.

Отвечать не хочется, поэтому я продолжаю молча сидеть в кресле в холостяцкой берлоге своего друга и бегло оглядываю её куцую обстановку. Серые стены, большой искусственный камин у стены, пара небольших диванов напротив друг друга, два чёрных кожаных кресла, в одном из которых я сейчас утопаю, и низкий стеклянный столик в центре между ними.

- Не знаю, - наконец, выдавливаю из себя, когда моё молчание уже слишком затягивается, - не знаю, Паш... просто не знаю. Думал, это просто очередной идиот решил поразвлечься.

Вливаю в себя очередную порцию старого виски и, подхватив пальцами кусок сыра, быстро кладу его в рот.

На душе паршиво. Вина разливается внутри и пульсирует в крови, обжигая меня своим ядом.

Алёна в тяжёлом состоянии в больнице.

Яна в руках моего врага.

Две женщины, которые любили меня, и которых я не смог защитить.

- Я же просил тебя сообщать мне обо всём! – рычит на меня Паша и продолжает зло буравить меня глазами, и я понимаю, что он прав... теперь понимаю. Я облажался по полной.

- Я – дурак! Ну, вот такой я дурак, Паш! – бью себя по коленям и подскакиваю, - ко мне постоянно поступают письма с угрозами, несколько раз были звонки, но ты же сам выяснил, что это просто какие-то малолетки так развлекались! И в этот раз я подумал, что такая же херня, и не стал дёргать тебя.

- Зря!

- Теперь и я это понимаю, - взвинчено выдыхаю и встаю рядом с Пашкой у приоткрытого окна, ладони обессиленно сжимаю в кулаки.

- Как долго это длится?

- Пару месяцев, - поворачиваю голову к рассерженному на меня другу и заглядываю ему в глаза, - вскоре после того, как я согласился на предложение Янкиного папаша.

Несколько мгновений молчим, но тишина звенит напряжением между нами.

Я не только чувствую, но практически вижу, как крутятся колёсики в Пашкином гениальном, заточенном на поиск опасности мозге. Его взгляд меняется, и друг поворачивается к окну.

- Думаешь, твои ребята успеют? – да, чёрт возьми, я решаюсь задать этот вопрос. Я всё-таки не бесчувственная машина, как многие думают! Я тоже умею переживать, и сейчас моё сердце болит не только о жене, но и о Яне.

Паша оборачивается и мрачно смотрит на меня.

- Вот только давай без твоих нравоучений, Паш. Я помню, что ты меня предупреждал, что ничем хорошим наша связь с Янкой не кончится. Я знаю, что моя жена из-за моей самоуверенности в больнице лежит, и я сейчас должен молиться и думать только о ней, но, блядь! – скидываю злой взгляд на друга, - за Янку я тоже переживаю!

- Сволочь ты, Миш, - со странным спокойствием отвечает Паша и добавляет, - будь у меня такая жена, я б ни на одну бабу больше не посмотрел, - отворачивается от меня, а я

словно оплётанный стою и смотрю на его будто вытесанное из камня, без единой эмоции лицо, - если бы что-то узнали, парни бы мне уже позвонили, а раз нет, то и новостей нет. Мне нечего ответить на твой вопрос, ты же знаешь, я не гадаю на кофейной гуще, Миш.

Он закуривает сигарету, и я тоже беру одну. Долго верчу её в руках, вдыхая горький запах Пашкиных сигарет, думаю об Алёне, но всё чаще в моих тревожных мыслях проскакивает Яна... и это раздражает!

Гадство!

Я не должен думать о ней!

Резко сминаю пальцами сигарету.

Громко протяжно выдыхаю.

Нервы ни к чёрту совсем!

И вдруг раздаётся громкая телефонная трель.

Паша, мазнув по мне нечитаемым взглядом, отворачивается к окну и принимает звонок, а я нутром чувствую, что это с новостями о Яне звонят, и волнение за девчонку острым покалыванием проходит по моему напряжённому телу.

- Яну нашли, - сбросив звонок, и всё ещё глядя в окно, бесцветным тоном сообщает мне Пашка, - она без сознания в притоне одном.

- Едем туда! – почти рычу, внутри будто кипятик всё ошпаривает от вспыхнувшей тревоги и добавившейся к ней ярости.

- Зачем тебе это, Мих? – Паша медленно тушит в пепельнице сигарету и поворачивается ко мне, а меня безумно раздражает его правильность и это напускное равнодушие. Я, чёрт возьми, уже давно знаю, что друг сохнет по моей жене!

- Не знаю, Паша, не знаю, но я должен её увидеть! – зло, с раскороченным болью сердцем выкрикиваю и быстро иду в коридор, стараясь затушить в себе тревогу за Яну и не к месту вспыхнувшую дику ревность.

Не должен я ревновать жену к Пашке!

Глава 7

Яна

- Ты уверен, что Миша поверит? Чёрт, Олег, я боюсь... зря мы, наверно, затеяли всё это. Тяжело испуганно дышу, закрываю лицо ладонями и быстро стекаю по стене вниз.

Это какой-то жуткий треш, аж всё тело подрагивает от этого нервяка.

- Обкурилась что ли опять?! У тебя такой шанс появился! Яна, подумай, какой это фарт! Жена всмятку, и ты в дамках, дурёха!

Олег подходит вплотную ко мне и дёргает за руку, грубо поднимая меня вверх.

- Хватит паники. Подумай о своих перспективах! – рассержено цедит он мне в лицо. Чёрные брови нахмурены, а красивые губы недовольно изогнуты.

- Я о них и думаю, идиот! – вырываю руку из его захвата, - его дура-жена не должна была пострадать! Мы этого не планировали! – отхожу к окну, подрагивающими пальцами кое-как достаю сигареты из сумочки, нервно выбиваю одну из пачки и закуриваю.

Сладкий с привкусом шоколада дым обжигает горло и наполняет лёгкие, немного успокаивая меня.

Блядь, как же хорошо!

Выдыхаю струю белого дыма в приоткрытое окно. В голове, наконец, проясняется, но пока перспективы для меня вырисовываются очень сомнительные. Риск ужасный.

Миша будет копать.

И эта история с аварией мне совершенно не нравится. Как-будто кто-то специально подгадывал, когда я сделаю этот ход, открою глаза его жене-клуше на похождения старого лове-ласа, и ударил по Мише, всецело подставляя меня.

Ведь если любовник узнает, что я выманила его жену из дома показом занятого фильма о нас с ним, он сразу подумает, что и аварию подстроила я.

От этой мысли мой желудок сжимается от панического страха, а по голой спине ледяной холодок пробегает.

Миша меня закопает... а если он этого по каким-то причинам не сделает, то отдаст папе, и он меня точно грохнет.

Блядь... вот я встряла!

Делаю последнюю затяжку и дрожащими пальцами тушу сигарету, в труху растирая её в массивной чёрной пепельнице.

Вот же дерьмо!

- Я не понимаю, чего ты так паникуешь? Чё расклеилась-то? – бывший любовник подходит ко мне, заглядывает мне в глаза, а мне вдруг так хочется снова почувствовать его жёсткие губы на своей коже.

Протягиваю к нему руку, ноготками провожу по его облепленному чёрной футболкой торсу и чувствую, как его накачанные мышцы каменеют.

- Не надо, Яна, - севшим голосом останавливает меня Олег и ловит меня за запястье, убирает от себя мою руку, - ты же знаешь, я не смешиваю деловые и личные отношения.

- Мне страшно, - едва слышно бормочу, заглядывая в чёрные как ночь глаза, и бывший, поколебавшись пару мгновений, всё-таки притягивает меня к себе и крепко обнимает.

Прижимаюсь к его твёрдой груди щекой, рвано дышу, прикрыв глаза, и с каждым вдохом вбираю в себя его мощь и силу.

- Ну чего ты? Всё же хорошо идёт, даже лучше, чем мы планировали, - Олег гладит меня по спине, видимо совершенно не понимая, как сильно мы влипли, - сейчас его жена ещё долго из больницы не выберется, а ты спокойно утетишь старичка и быстренько займёшь место этой клуши.

- А если Миша докопается до правды? – поднимаю голову и испуганно вглядываюсь в глаза Олега, - нас же размажут, ты это понимаешь?

- Не дрейфь, все концы подчищены и обрублены. Никто не вычислит ни тебя, ни меня... ну, если ты вдруг сама, конечно, не захочешь ни с кем поделить этой инфой.

- Ты дурак?! – бью его кулаком в грудь, - да я буду молчать обо всё этом как немая рыба!

- Вот и отлично! – Олег усмехается и отходит от меня на шаг, забирая с собой своё тепло и уверенность, и я снова чувствую себя ужасно одинокой, - а теперь давай готовиться к вечернему приёму твоего будущего муженька. Помни, ты должна сыграть так, чтобы он реально поверил во всю твою лапшу!

Глава 8

Михаил

Выпрыгиваю из огромного внедорожника Паши, как только он останавливается.

Сердце, как бы я не пытался успокоиться, шарашит в груди, с силой бьётся о рёбра.

Страшно.

Правда, жутко от того, что могли сделать с Янкой.

Картинки этих ужасов снова вспыхивают в сознании, и глаза наливаются кровью.

Убью мразей!

Сам своими руками придушу!

Если кто-то хоть пальцем к девчонке прикоснулся, я их бордель к херам разнесу сегодня же, а их всех сначала кастрирую, а потом в бетон закатаю!

Быстрыми широкими шагами иду к дверям этого дорого элитного заведения. Знаю, здесь есть всё, чтобы доставить мужчине удовольствие: баня, сауна, бар, танцпол с шикарными готовыми на всё девочками и удобные комнаты для уединения.

Все желающие толстосумы могут тут отлично провести время с любой понравившейся красавицей.

Как здесь оказалась Яна?!

- Вова! – ещё на подходе окликаю одного из Пашкиных парней, - где она?!

Владимир оборачивается и, если и удивляется, увидев меня здесь, то виду не подаёт.

- В одной из частных комнат на первом этаже, Михаил Алексеевич, я наших ребят поставил у дверей.

Запрыгиваю на первую ступеньку каменной лестницы.

Хмурюсь, внутри всё крошится в кровавое месиво от услышанного «в одной из частных комнат», но я стараюсь взять себя в руки.

- Веди! – рявкаю слишком громко для постороннего человека и сам шагаю вперёд к высоким кованым дверям этого блядушника и резко распахиваю их.

Медленная эротичная музыка тут же касается слуха, проникает в меня, обволакивает, но мне на хер это не нужно!

Тяжелыми быстрыми шагами иду по коридору дорогого гадюшника. Пробегаюсь взглядом по красным с чёрным узором обоям на стенах. В моём нынешнем взвинченном состоянии они смотрятся отвратительно аляповато, а приглушённая подсветка, намекающая на интимность и удовольствия, раздражает.

- Куда дальше? – останавливаюсь на развилке и оборачиваюсь к Владимиру.

Замечаю, что позади нас идёт напряжённый Пашка, хмурым взглядом исподлобья меня буравит, руки в кулаки сжимает в карманах.

Ясно, врезать мне хочет... что ж, наверно, не зря.

Смотрю на его напряжённую фигуру, каменное лицо, и злость такая в груди вскипает.

Да знаю я, как это всё выглядит, Паша, знаю!

Паршиво!

Да, пусть я сволочь, но не могу сейчас у палаты Алёнки дежурить, зная, что Янке угрожает опасность!

Да, вот такое я дерьмо!

- Нам налево, Михаил Алексеевич, - ровно поясняет Володя и кивает в нужный проход, а у меня кипит всё внутри от этой отвратной ситуации. Спасая любовницу, пока жена в больнице едва живая.

Чёрт!!!

- Можешь возвращаться на пост, Володь, дальше мы сами, - Паша холодным без каких-либо эмоций голосом отправляет своего парня обратно, и тот быстро уходит.

- Третья дверь, - друг кивает в нужном направлении, и я бросаюсь туда.

Внутри весь коридор закрыт какими-то тёмными шторами, поэтому я не сразу замечаю ребят, дежуривших у входа.

Киваю им и быстро прохожу внутрь, не обращая внимания ни на хмурого Пашку, ни на взгляды охраны.

Сердце готово выпрыгнуть из груди, когда я встречаюсь взглядом с испуганными красными от слёз глазами Яны.

- Миша! – она хрипло кричит и тут же подскакивает с кровати, бросается ко мне.

Ловлю её в свои объятия, крепко прижимаю к себе, с невозможным облегчением утыкаюсь в светлую макушку и вдыхаю девичий сладкий, так манящий меня аромат.

- Я так испугалась... - шепло произносит и всхлипывает, чувствую, как вся трясётся в моих руках, и поглаживаю её по спине.

- Всё хорошо, Яна, всё хорошо, - целую её в макушку, - я уже здесь и теперь всё будет хорошо... - произношу и сам понимаю, что вот сейчас-то всё и стало совсем хреново.

Глава 9

Алёна

Что-то неприятно гудит рядом, плачет, раздражает... и постепенно вырывает меня из той странной липкой тишины, которая обволакивает со всех сторон.

Морщусь от этих режущих слух звуков, мотаю головой, пальцами что-то судорожно сжимаю и тут же всхлипываю от прошившей тело боли.

Выгибаюсь дугой, но от этого лишь становится больше.

Хочу закричать, но получается только бессвязно промычать. Делаю резкий вдох, и воздух тут же больно царапает отчего-то ободранное изнутри горло.

Закашливаюсь, а в нос бьёт едкий запах лекарств.

Боже, что со мной происходит?

Я... я в больнице?

Новый вдох, и снова огонь проносится по моему горлу, а с приоткрытых губ срывается едва слышимый стон.

Ааааа!!!

Как же, чёрт возьми, больноооо!!!

Голова кружится, глаза открыть не получается, а всё тело буквально прошивает острая мучительная боль.

Замираю на месте и больше не делаю попыток пошевелиться... и вдруг слышу встревоженный голос:

- Алёна!

Кто здесь?

Павел?

В голове гудит, чёртовы приборы начинают сильнее пищать, но я заставляю себя открыть глаза.

Получается не сразу, но, когда, наконец, мои слипшиеся свинцовые веки приподнимаются, я действительно вижу перед собой встревоженное лицо Павла, друга моего мужа и начальника безопасности в его ведомстве.

- Алёна, ты очнулась! - мне сейчас кажется или его хриплый голос дрожит? – Как ты себя чувствуешь?!

На этот вопрос мне очень хочется ответить: «очень паршиво», но я снова только мычу и случайнодвигаю невозможно тяжёлой ногой, и вот тут от жуткой боли уже получается не то тихо проорать, не то прошипеть:

- Аааа...

Сжимаюсь в комок, пальцами сильно сжимаю тонкую простынь, резко закрываю глаза и чувствую, как по щеке скатывается слеза.

- Вот чёрт! Алён... Алёна, ты потерпи, слышишь?! Я сейчас врача позову! – снова заставляю себя открыть глаза и вижу, как Павел наклоняется к изголовью кровати, на которой я лежу, чертыхается несколько раз, - черти! Да где эта кнопка?!

Проходит ещё пара секунд, и мужчина наклоняется ко мне, встревоженно всматривается в мои глаза, а я ничего сказать не могу, только глупо моргаю и вдруг чувствую осторожное прикосновение горячих шершавых пальцев к своей ладони. Оно длится лишь мгновение, но от него почему-то становится легче.

- Ты только не отключайся, пожалуйста, больше, - шепчет мне Павел, осторожно поправляя волосы, упавшие мне на лицо, и по-прежнему смотрит мне в глаза.

В коридоре слышатся быстрые тяжёлые шаги и цокот женских каблучков, и мужчина отходит от меня на пару шагов.

Дверь тихо открывается, в палату входит тучный седовласый мужчина в белом халате. За ним семенит высокая девушка в розовом брючном костюме и одноразовой голубой шапочке на голове.

- Ну-с, что у нас тут? – доктор подходит ко мне и внимательно вглядывается в мои глаза, - неужели наша дражайшая пациентка проснулась? - мужчина мне улыбается и поправляет тонкие дужки очков, - как Вы себя чувствуете, Алёна Сергеевна?

- Показатели почти в норме, - Альберт Эдуардович, повернувшись к доктору, произносит медсестра.

Вздыхая и тут же кривлюсь от пробежавшего раздражением по горлу воздуха.

- Бо... - каждый звук царапает изнутри, но я заставляю себя произнести, - больно.

Доктор кивает и мгновенно становится серьёзным.

- Молодой человек, - обращается врач к другу моего мужа, - выйдите, пожалуйста, я хочу осмотреть пациентку.

- Конечно.

Ловлю на себе хмурый взгляд Павла, а потом он поспешно покидает палату.

Осмотр длится не очень долго, но я узнаю от доктора, что со мной произошло.

Авария.

Открытый перелом ноги.

Ожоги на левой стороне тела.

Сильное сотрясение.

Доктор перечисляет мои травмы, а я медленно поднимаю правую руку и осторожно касаюсь шеи, нащупываю повязку, под которой сейчас всё болезненно пульсирует.

Ожоги...

Страх вползает в притихшее сердце холодной змеёй.

Внутри меня нещадно ломает сейчас, но я прислушиваюсь к своим ощущениям.

Я боюсь представить, что со мной стало... и зеркало боюсь попросить.

Ноющая тупой болью нога, кажется, чем-то туго перевязана.

Нервно слатываю и стараюсь взять себя в руки.

Спокойно, Алёна.

Ты жива и это самое главное!

Подбадриваю себя, но буря в душе не проходит.

Закончив осмотр, врач и медсестра уходят, а я сжимаюсь в комок, замерзаю.

Сердце, наполненное страхом, всё реже и реже бьётся в моей груди.

Тук-тук... тук... тук...

Мысли об аварии и её последствиях раздирают на части, мне очень страшно.

Вдруг дверь широко распахивается, и в палату входит ещё совсем недавно мой самый родной человек.

Сердце подпрыгивает в груди и делает в горле смертельный кульбит.

- Алёна! – громким шёпотом произносит Миша и бросается ко мне, а я на мгновение прикрываю глаза. Не хочу его видеть... и не хочу, чтобы он видел меня, - любимая, - муж берёт меня за руку и продолжает шептать, - я так испугался... - открываю глаза и тут же встречаюсь с его болезненным взглядом, - я так боюсь тебя потерять!

Глава 10

Алёна

Его слова бьют прямо в цель, и я вздрагиваю.

- Очень больно? – с волнением в голосе спрашивает супруг, и в его взгляде я действительно вижу искреннюю тревогу. И раньше я бы на сто процентов была уверена в том, что вижу и ощущаю, но сейчас... сейчас в моей голове сквозь страшный гул снова и снова раздаётся: «Ещё, Миша! Ещё!»

Как же это всё мерзко.

Смотрю в любимые глаза, а душой и сердцем понимаю, что Миша уже не мой.

Чужой.

Теперь уже совершенно посторонний человек в моей жизни.

Мужчина, которого я так сильно любила, оказался обыкновенным предателем... и от это больно, дико больно.

Сердце сжимается в груди, и я уцелевшими пальцами вцепляюсь в больничную простыню, чтобы перетерпеть тот лютый холод, что наполняет сейчас мою душу.

- Да, - отвечаю, а на языке растекается едкая горечь.

- Алён, я поговорю сейчас с врачами. Если потребуется, то перевезём тебя в другую больницу, - взволнованно произносит Миша, и опускает взгляд на мою шею, потом на пострадавшую от огня руку, а мне впервые становится неприятно от взгляда мужа, и холодок проходит там, куда он смотрит.

Отторжение – начало смерти нашей любви, и я понимаю, что его уже не остановить.

Я не привыкла врать себе и знаю, что дальше будет только хуже.

Да, больница – это не лучшее место для подобного разговора, но терпеть ложь я не смогу, поэтому я решаюсь и тихо произношу:

- Я... - прокашливаюсь, - я всё знаю, Миша.

Слова царапают горло, но я почти не замечаю этого.

- О чём ты, солнышко?

Муж продолжает сидеть на стуле около моей кровати, поглаживать меня по руке и делает вид, что не понимает, о чём я говорю, но я вижу, как бледнеет его лицо и опускаются плечи.

- О твоей любовнице, Миша, - уже уверенней произношу, и муж громко рвано выдыхает.

Долго молчим.

Липкая тишина застывает в палате и неприятной паутиной касается моей кожи, оседает на плечи.

Смотрим друг другу в глаза, последний раз в души заглядываем, и я вижу, как меняется Мишин взгляд.

Теперь на меня смотрят два пустых тёмных омута, в которых больше нет жизни, нет тревоги и радости... нет души.

- Я не знаю, кто сказал тебе, но...

- Уходи, - шепчу, а внутри всё кипит, жалит, режет на части.

Не хочу больше видеть его!

Не хочу!

Слишком тяжело, слишком больно, слишком невыносимо...

Закрываю глаза.

Боже, как же хочется просто забыться и надолго уснуть, чтобы не чувствовать этой смертельной агонии.

- Алёна! Посмотри на меня! – Миша наклоняется ко мне, руку осторожно приподнимает и осыпает горячими поцелуями, а мне противно... так противно от его прикосновений, - Алёна, я люблю тебя! Солнышко, не расстраивайся и не верь нико...

- Яна сама мне всё показала, - грубо перебиваю мужа, наверно, впервые в жизни, и резко распахиваю глаза, - я до сих пор слышу ваши животные стоны и её коронное «Ещё, Миша! Ещё!»

Муж сглатывает, его кадык нервно дёргается.

Он застывает, а потом медленно выпрямляется, убирает от меня руки и сжимает ладони в кулаки. Хмурится.

- Только не надо врать, что это постановка, нейросеть или происки врагов, - не знаю, как у меня получается произнести это ровным голосом, ведь моя душа сейчас разрывается в клочья от безумной боли, но я упрямо продолжаю смотреть в пустые глаза мужа, - я не дура, Миша.

Проходит достаточно много времени, прежде чем Миша решается произнести:

- Мне... мне жаль, что ты это увидела, - усталым голосом признаётся муж, - но не обвиняй Яну... она ни в чём не виновата, - контрольным в сердце добивает меня и отводит глаза.

Боже... он её защищает...

От этого становится так горько, что моё израненное сердце болезненно сжимается в груди... а через мгновение злость словно плетью начинает бить меня изнутри, вынуждая и меня жалить предателя в ответ.

Ненавижу!

- Действительно. Яна, наверно, святая! Она не могла... - мне больно, но я наклоняюсь вперёд, чтобы видеть глаза предателя, - но спать с женатым мужиком у неё совести хватило, да?!

Выплёвываю всю бурлящую во мне злость мужу в лицо и устало падаю обратно на подушку.

- Уходи, - едва слышно произношу, сил совсем не остаётся.

- Алёна, я... - снова тянется к моей руке.

- Убирайся!!!

Глава 11

Алёна

Кричу, выплёскивая из себя сжигающие душу ненависть, злость, обиду и сгибаюсь пополам, корчусь от острой боли.

Рассыпаюсь на части, отдираю Мишу от себя с мясом, обрываю нашу связь, рву с кровью.

Это больно... безумно больно гнать от себя того, кого так безумно любила... люблю...

Задыхаюсь. Напряжённые мышцы выкручивает, раны невыносимо пульсируют под сложенными стерильных повязок, а сердце рвётся в кровавые лохмотья, в труху, разлетается в клочья.

- Алёна! – Миша бросается ко мне, осторожно укладывает меня на подушку, - врача!!! Вызовите врача!!! – снова поворачивается ко мне, а я задыхаюсь от его запаха, от его обжигающих прикосновений, от его чёртовой близости.

Ненавижу!!!

- Не... тро... гай... - мучительно выговариваю. Глаза закрываются, чёртовы приборы громко пищат, голова кружится, - не трогай... меня, - едва слышно произношу не просьбу, – молитву, проклятие и резко проваливаюсь обратно в тёмную пустоту, где нет боли, отчаяния и ненависти.

Михаил

Не выхожу, вываливаюсь из палаты Алёны оглушённый её словами, её рвущими душу эмоциями... её тихой просьбой «не трогай».

Внутри меня всё идёт трещинами, ломается, перемалывается словно в мясорубке, превращается в фарш.

Задыхаюсь.

Перед собой всё ещё вижу распахнутые, полные боли и ненависти глаза Алёнки.

Твою же мать... твою же мать...

Быстро порывисто подхожу к окну, резко открываю его и хватаюсь за ворот рубашки, дёргаю вниз, вырывая несколько пуговиц, и дышу-дышу-дышу.

В голове полный хаос, и я даже не пытаюсь остановить вращающиеся со скоростью света мысли, ругательства, проклятия.

Нет сил выбраться из этого оглушающего кошмара, только адский пожар полыхает в груди разрастается, пробирается всё глубже, опалая и мою чёрствую душу.

Вдох-выдох... ещё и ещё, надо, надо! чёрт возьми, успокоиться.

Несколько минут прихожу в себя, потираю уставшее лицо ладонями, а потом кулаками с силой упираюсь в пластиковый больничный подоконник и невидящим взглядом долго смотрю вперёд.

Стараюсь успокоиться, но отчаянно стучащее в груди сердце отказывается подчиняться. Мать твою, что же я натворил...

- Миш, - слышу сбоку взволнованный голос друга и поворачиваюсь к нему.

Стоящие у дверей палаты парни и Пашка дали мне эти несколько минут тишины, понимая, что мне нужно побыть с собой наедине, но отведённое мне время вышло. Нужно возвращаться в грёбаную реальность.

Смотрим друг другу в глаза, и я по меняющемуся взгляду Паши вижу, что он всё понял. Объяснения не требуются, но всё же эти слова сами срываются с моих губ, словно я сам только сейчас понимаю, что произошло:

- Она всё узнала.

Вот оно признание, приговор и расплата.

Пашка молчит, но его молчание звучит между нами оглушительным набатом.

Смотрю в глаза друга и понимаю - презирает меня... что ж, заслуженно. Я и сам сейчас давлюсь этим чувством.

Не выдерживаю пробирающего до самого нутра ледяного взгляда Паши и отворачиваюсь обратно к окну.

- Найди телефон Алёны и проверь, - уже ровно, без каких-либо эмоций произношу, возвращаясь в уже знакомую мне роль не человека, а робота, - кто-то скинул жене видео с ... - всё-таки ледяная корка трещит, и я запинаюсь, - со мной и Яной.

Несколько секунд Паша не отвечает, и его молчание бьёт меня хуже любых обвинений и кулаков.

- Займусь этим, - наконец, также безэмоционально отвечает, но холод в его голосе я отчётливо слышу.

Не поворачиваюсь. Молча киваю, и Паша резко разворачивается, уходит.

Его тяжёлые шаги ещё долго раздаются в пустом коридоре.

Продолжаю стоять у окна и слушаю их, до хруста сжимая ладони в карманах брюк и отчётливо понимая, что нашей старой дружбе пришёл конец.

Глава 12

Алёна

Следующие несколько дней проходят в каком-то невменяемом состоянии: я то тихо плачу, то проваливаюсь в липкий плотный туман совершенно не похожий на нормальный сон, то без каких-либо эмоций, с гулко бухающим выжженным в груди сердцем лежу на кровати и часами пялюсь в белый обшарпанный потолок.

Кожа под плотными стерильными повязками горит, нога безумно ноет, но хуже всего болит истерзанная душа.

Почему нет для такой раны мази или таблетки?

Дал бы мне кто такое зелье, я бы выпила весь бутылёк без остатка, чтобы не ныло больше моё растоптанное сердце, не грохотало в груди, чтобы раненная душа перестала тянуться своими кровавыми лоскутами к предателю.

Знаю, что надо успокоиться.

Понимаю, что это жизнь, и тут не предугадаешь, что завтра случится.

Любовь оказалась не самой надёжной субстанцией, а наш с Мишей брак – обычной иллюзией.

Всё понимаю, но принять пока не могу.

Не вижу дороги, по которой мне идти дальше... одной.

Ко мне приходят врачи, осматривают, делают осторожные прогнозы.

Из того, что доктора говорят, я поняла следующее: ожоги оставят на коже шрамы, но есть некоторые варианты, чтобы попробовать их убрать или хотя бы снизить до минимума

их проявление, сделать почти незаметными, но это займёт достаточное количество времени, месяцы, возможно, год.

С ногой тоже не всё просто.

После срастания кости мне потребуется длительная реабилитация для полного восстановления... другими словами, далеко не сразу я смогу нормально ходить.

Я понимаю, что мои диагнозы не приговор. Я выжила в чудовищной аварии и это самое главное. Да, мне будет сложно и трудно, но боюсь я сейчас не того, что мне предстоит, а того, что мне не на кого будет опереться, я буду совершенно одна.

Мои слова Миша услышал и больше не приходит.

Я знаю, что это правильно, так и должно быть. Я же сама умоляла его об этом, кричала, сама выгнала... но иногда, когда становится совсем немоготу и разбитое сердце хрипит в груди громким набатом, мне хочется, чтобы Миша настёж распахнул дверь и просто сгрёб меня в охапку, не слушая моих возражений, сказал, что безумно любит меня одну и вся история с Яной была ошибкой...

На мгновение допускаю эту мысль, лишь на один миг даю своему сердцу забиться быстрее, а потом закрываю глаза и смаргиваю с очередной предательской слезой эту невозможную реальность.

Нет!

Глупо обманываться.

Хватит, Алёна!

Хватит!

Это не было ошибкой. Миша знал, что делает, он всё понимал, но не остановился. Значит, нет у него больше любви ко мне.

Яна затмила меня и заняла моё место в его сердце.

Со мной Миша может остаться только из жалости, а я никогда не допущу этого!

Так унижать себя я не позволю.

Это развод.

- Алёна, привет, - постучавшись, после очередного визита моего лечащего врача, ко мне в палату входит Павел, - как ты себя чувствуешь? Извини, не получалось зайти к тебе раньше. Миша работой завалил.

О, вот тут я несколько не сомневаюсь.

Миша доверяет свои секреты и копание в грязном белье только одному человеку – Паше.

Мужчина проходит к окну и ставит в вазу небольшой букет.

В чёрной рубашке и брюках он выглядит идеально, но я смотреть на него не могу.

Ещё один предатель.

А ведь я думала, что между нами многолетняя дружба, а оказалось, что так считала только я, а Паша делал то, что ему выгодно.

- Как давно, Паш? – не выдерживаю, задаю вопрос в лоб и вижу, как меняется взгляд моего «друга», - как давно ты знал и покрывал Мишу?

Глава 13

Алёна

Паша хмурится, лицо его быстро превращается в застывшую маску, а из меня желчь так и сочится. Нога ужасно ноет, кожа в местах ожогов горит, но даже боль меня не сдерживает, и я зло выпаливаю рвущиеся наружу обвинения:

- Что мужская солидарность оказалась важнее дружбы, да, Паш?

В глазах против моей воли появляются слёзы, но я не опускаю взгляд. Хочу видеть лицо Паши, когда он мне ответит.

Буравим друг друга взглядами. Молчим.

Брови бывшего друга нахмурены, и между ними залегает пара вертикальных морщин. Смотрит на меня исподлобья нечитаемым холодным взглядом, изучает моё лицо, в глаза мои нагло впивается и, наконец, сухо отвечает:

- Ты была счастлива.

Задыхаюсь.

Его слова врезаются в меня словно пули. Навылет. Сердце снова начинает кровоточить и в тоже время эта боль поднимает внутри меня бушующий ураган ярости.

Вы посмотрите какой молодец!

Постеснялся счастьем моим помешать!

Угу! Только это не счастье было, а ложь! Наглая искусная ложь! Предательство!

Задыхаюсь от жгучих эмоций, а Паша так и продолжает на меня смотреть. Его лицо всё такая же застывшая безэмоциональная маска, но в глазах проскакивает что-то незнакомое... тёмное... злое... болезненное.

Плевать.

На всё плевать.

Отворачиваюсь от него.

В душе муть такая поднимается, и меня опять начинает тошнить.

Боже, снова словно в грязи этой вывозилась.

Сколько раз Миша приходил ко мне после неё, обнимал, целовал... в постель со мной ложился... а Паша всё знал и молчал. Прикрывал своего старого друга и начальника.

Закрываю на мгновение глаза, тихо протяжно выдыхаю.

К чёрту!

К чёрту их всех!

Мерзкие лжецы!

Ненавижу их всех!

Так, стоп!

Сама себя останавливаю, тяжело дышу, стараюсь подавить бурю эмоций, что раздирает меня изнутри.

Спокойнее, Алёна.

Разве я помогу себе этими истериками?

Нет.

Молча разглядываю свои сцепленные в замок пальцы и дышу-дышу-дышу.

Вот так уже лучше.

Сама себя подбадриваю.

Мне нужна холодная голова, чтобы как можно быстрее вырваться из этой дурно пахнущей липкой паутины, в которой я барахтаюсь сейчас.

Да, я хочу выбраться из той смрадной ямы, в которую столкнул меня муж своими предательством и ложью.

Говорю себе всё это и чувствую, как ярко вспыхнувшие минуту назад эмоции затихают.

Поднимаю глаза на Пашу и тихо ровно произношу:

- Уходи, Паш.

Мужчина кивает и, резко развернувшись на пятках, пересекает мою палату, но в дверях останавливается и оборачивается.

- Он любит тебя, Алён.

Хмыкаю.

- Ты ошибаешься.

Паша лишь качает головой и, больше ничего не произнеся, выходит из палаты, оставляя меня в оглушительной тишине наедине со своими мыслями и монотонной болью.

Павел

Она ненавидит меня.

Заслуженно.

Выхожу из её палаты, тихо прикрываю за собой дверь и широкими шагами ухожу по коридору подальше от её охраны, чтобы мои ребята не видели меня в таком состоянии.

Останавливаюсь у окна.

Сердце громко тарабанит в груди.

Да, это на лице у меня ледяной покерфэйс, а упрямый мышечный орган я так контролировать и не научился, а рядом с Алёной это вообще бесполезно... без вариантов, потому что ей моё сердце принадлежит, ради неё бьётся и за неё болит.

Пятёрней нервно провожу по коротким волосам. Старая привычка, которая осталась у меня ещё с армии.

Пустым взглядом впиваюсь в пыльный городской пейзаж и несколько раз глубоко вдыхаю носом спёртый больничный воздух.

Хочу унять в душе те эмоции, что взбаламутила во мне Алёна.

Чёрт.

Стоял там как пацан, которого училка отчитывала у доски.

Красивая училка.

Лучшая.

Только вот я для неё никто... слишком долго притворялся другом, а теперь так глубоко в её глазах провалился... и стал ничтожеством...

Ничтожество, влюблённое в королеву.

Мда.

Вот так вот.

- Шеф, - окликает меня Вадим, один из моих парней, и я снова натягиваю на себя привычную маску и оборачиваюсь к нему, - мы восстановили данные телефона Алёны Сергеевны и нашли того, кто скинул ей ссылку.

Бум.

Сердце подпрыгивает в груди и бьётся о рёбра, и снова я не могу урезонить его.

- Отлично, скинь всё мне на почту.

- Уже шеф.

Глава 14

Михаил

- Этого не может быть, - бросаю на стол ебучие распечатки, нервно откидываюсь назад в кресле и бросаю на Пашу злой взгляд, - она не могла! Зачем это Яне?! Зачем?!

Отрицаю причастность Янки, а в сознании уже бьётся ядовитая мысль, что могла она! Чёрт возьми, могла!

Амбиций Яне не занимать, довольствоваться малым она не будет.

Зараза!

На Алёнкино место метила. Почувствовала, что засосало меня, что запал на неё как сопливый пацан.

Ладони сжимаются в кулаки, которыми я несколько раз тяжело ударяю по своему столу.

Ох, идиот!

Паша продолжает молча курить. На меня не смотрит.

Ждёт, пока пройдёт моя истерика, ясно.

Непогрешимый робокоп, бля!

Ещё несколько раз стучу по столу, но уже тише, ладонями.

Внутри меня ураган и знатно булькает ядовитая злоба, но я заставляю себя охладить пыл.

Вдох-выдох, ещё и ещё.

Собрался, Миша! Собрался!

- Ты уверен, что никто не мог воспользоваться её телефоном? – уже тише спрашиваю. Не к месту сейчас мои фонтанирующие эмоции, - Паша, копай глубже!

Друг выпускает в приоткрытое окно облако белого дыма и поворачивается ко мне. Одна рука в кармане, в другой тлеет сигарета. Он уверенно отражает мой полный холодной злобы взгляд.

Смотрю на него и понимаю – всё правда.

Блядь! Он на сто процентов уверен в своих словах!

Хмурюсь. Сердце до острой боли бешено шандарахает в груди.

- Глубже некуда, Мих, - ровно, без всяких сантиментов, произносит Паша, - мы парня этого, Олега, в лес вывозили. Он обоссался пару раз, пока яму себе копал. Сам понимаешь, в таком состоянии не соврёшь.

- Твою мать! – рывкаю и резко подсакиваю с места. Стул отлетает к стене и с грохотом падает на пол, - сука! Какая же сука!!!

Несколько раз туда и обратно прохожусь по кабинету. Руки до хруста нервно сжимаю в кулаки и тут же разжимаю.

В голове хаос из мыслей, но одна больно бьётся о мою бестолковую черепушку – Яна отправила чёртову ссылку моей жене, моей Алёнке! Меня, блядь, трахающего эту суку в прямом эфире!

- Твою мать!!! – реву и рукой сшибаю всё со стола, - убью тварину!!!

Пашка молчит и продолжает курить сигарету, а меня изнутри разрывает от этих жгучих эмоций.

Нет, я реально сейчас готов разорвать эту наглую суку.

- Где она сейчас?!

- Здесь, парой этажей ниже.

Рывком открываю закрытую дверь и рывкаю секретарю:

- Зоя Семёновна, пригласите ко мне Яну Игоревну. Срочно!

- Хорошо, Михаил Але...

Со всей силы шабаркаю дверью, не дослушав ответ своей секретарши.

Напряжённый и злой подхожу к другу и тихо спрашиваю:

- Аварию тоже она подстроила?

- Нет. Точно нет, - Паша разворачивается ко мне, скрещиваемся взглядами, - кишка у них тонка для этого, Мих. Да и ресурсов таких нет. С аварией пока разбираемся, там серьезные люди замешаны. Не дилетанты сто процентов, - он делает последнюю затяжку, выпускает горький дым в небо и тихо продолжает, а у меня от его слов внутри всё рвётся, - ждали Алёну. Мы место осмотрели, с камер видео сняли. Более двух часов там машина стояла. Яна – это просто роковая случайность, никак она с аварией не связана.

Стук в дверь прерывает нас.

Молча переглядываемся.

Оба понимаем, что Яна пришла.

- Сам справишься или остаться?

- Лучше останься, Паш. Я ж её придушу.

Друг кивает.

- Михаил Алексеевич, вызывали? – Яна открывает дверь и мило улыбается мне, а потом замечает Пашку, и улыбка её быстро сползает с лица, хоть она и старается её изо всех сил удержать, но, видимо, нервы сдают у паскуды, - а я думала, ты один...

- Проходи, Ян, чего ж ты в дверях жмёшься, - сверлю её холодным взглядом, а внутри всё кипит, требует выхода. Не знаю, как получается сказать это всё ровно.

Вижу, как нервничает. Несколько секунд буравит меня и Пашку задумчивым взглядом, а потом всё-таки подходит к столу и садится на предложенный стул, а Паша в это время открывает дверь и говорит моей секретарше:

- Вы свободны на сегодня, Зоя Семёновна, спасибо.

Звучит тихий щелчок, оповещающая нас всех о том, что дверь закрыта и выхода из мышеловки нет.

Смотря в глаза любовнице, подхожу к ней. Вижу, как мелко трясётся от страха.

Пусть боится меня, тварина.

Уничтожу!

Кладу руку Яне на плечо, жёстко сжимаю мягкий шёлк блузки.

Любовница сильно вздрагивает, но молчит, а я наклоняюсь к ней ближе и зло шиплю в её побледневшее вмиг лицо:

- Зачем ты сделала это, паскуда?!

Глава 15

Яна

Нет-нет-нет!

Он не мог ничего узнать!

Паника ледяной волной прокатывается по телу, когда Миша сильнее сжимает пальцы на моём плече и прожигает меня своим страшным взглядом.

О, чёрт... или мог?

- Миша... - запинаясь, - ты пугаешь меня.

Любовник только скалитесь в ответ и это выглядит до ужаса жутко.

Нервно сглатываю вставший в пересохшем горле ком. Чувствую, как подрагивают мои руки на коленях, а бешеное биение сердца начинает отдаваться в ушах.

Я никогда не знала Мишу таким.

- Пугаю? – тихо спрашивает и это звучит намного хуже, чем если бы Миша кричал.

Вглядываюсь в его перекошенное от дикой ярости лицо. Скулы заострены, крылья носа раздуваются, а на шее бешено пульсирует синяя венка.

На мгновение его чёрные брови взлетают вверх в притворном удивлении, а потом зло сходятся над переносицей, пальцы больно впиваются в мою ключицу, оставляя там синяки, и я охаю от острой боли, но не решаюсь отстраниться. Понимаю, что Миша в ярости, и мне лучше не дёргаться.

- Серьёзно, Яна?! Я тебя пугаю?! Ты же отправила моей жене эту мерзость, значит, не боялась меня! – разъярённый мужчина на пару секунд замолкает, а потом рявкает мне в лицо так, что я подпрыгиваю на стуле от неожиданности и испуга, - всё думала, что я плюшевый мишка, раз ни разу не наказал тебя за твои прежние выходыки?!

Боже-Боже-Боже!

И как мне сейчас поступить?!

Что ответить?!

Плечо горит огнём от пальцев любовника, а чёртовы мысли путаются, и я лишь моргаю, глядя на Мишу.

Чувствую, как в глазах собираются слёзы, и вдруг понимаю, что вот! Вот оно – моё спасение!

Миша терпеть не может женских слёз. Он никогда не знает, что с женщиной делать в этот момент, как успокоить.

Бинго!

Не сдерживая себя громко всхлипываю, моргаю, и по щеке медленно скатывается первая слеза.

- Миша, я ничего такого не делала, - как можно тише произношу, без наезда, спокойно.

Может быть, есть ещё шанс, что он мне поверит?

- А вот твой дружок рассказывает другое, - шипит мне в лицо Миша, а потом вдруг резко отклоняется от меня, убирает с плеча свою руку и, отвернувшись, отходит от меня на несколько шагов.

Напряжённо наблюдаю за ним сквозь пелену наигранных слёз.

Я слышу, как шумно и тяжело он дышит, вижу, как вздымается его грудь, как сильно напряжено его тело. Его словно рвёт, ломает изнутри, и он не в состоянии это остановить и сдержать внутри себя.

Я не понимаю... это он так за жену свою недалёкую переживает что ли?

Уже открываю рот, чтобы сказать, что я люблю его и мне обидно, что он мне не доверяет и подозревает непонятно в чём, как вдруг Миша резко бьёт по столу кулаком.

- Сука! Какая же ты сука, Янка! – он снова взрывается, а я замираю на месте испуганным кроликом, и от новой волны ужаса уже самые настоящие слёзы быстро стекают по моим похолодевшим вмиг щекам, - я же сказал, что с Алёной не разведусь! Что тебе непонятно было?!

Его суровый жёсткий голос прошивает меня насквозь.

Сижусь сжавшись на стуле, не знаю, что сказать в своё оправдание.

Бросаю быстрый злой взгляд на безопасника и тут же сталкиваюсь с его уверенным и даже наглым взглядом.

Сволочь!

Это точно он Мише что-то про меня наговорил.

Злюсь, но под прямым взглядом Павла тушуюсь и опускаю глаза на стол перед собой.

Колошматит так, что впору курнуть что покрепче, чтобы расслабиться.

Блядь, ещё и руки трясутся.

- Значит так, Яна! – громко раздаётся над ухом, и я резко оборачиваюсь к подошедшему ко мне Мише, - с этого момента ты больше здесь не работаешь, в мою жизнь не лезешь и к Алёне не приближаешься! Поняла?!

Наклоняется ко мне ближе, упирается кулаком в спинку моего стула и не моргая смотрит в мои глаза.

- Но, Миша, я...

- Узнаю, что ещё что-нибудь вытворить собралась или найду твою причастность к аварии – сам лично в лесу закопаю, поняла?! – рывкает в ухо, и я быстро киваю, стараясь чтобы колени не так сильно дрожали.

Ещё несколько мгновений внимательно смотрит мне в глаза, а потом резко отходит назад.

- Пошла вон отсюда.

Глава 16

Яна

Выхожу из кабинета на ослабевших ногах. Сердце рваными толчками впрыскивает в вены похолодевшую от угроз кровь.

Как он мог?!

Как он мог так со мной?!

В груди распирает расползающийся ядовитый комок из обиды и злости.

Подхожу к столу Зои Семёновны, опираюсь на него ладонями и голову наклоняю вниз.

Вдох-выдох... ещё и ещё.

Держись, Яна! Держись!

Надо взять себя в руки и просто дойти до машины, а там я придумаю, что мне дальше делать.

Просто так я этого не оставлю!

Уговариваю себя, но ядовитые мысли жалят и жалят, их просто невозможно остановить.

Чёрт возьми... Миша меня выгнал!

Практически прилюдно выпорол!

Орал на меня при этом... при этом Пашеньке!

Зло сжимаю ладони в кулаки.

Не прошу ему этого!

Никогда не прошу!

Есть у меня ещё туз в рукаве!

Приползёшь ко мне на коленях Миша!

Зло отталкиваюсь руками от стола и выхожу в пустой коридор. Слышно чьи-то тихие разговоры, шаги, смех в соседнем кабинете.

Горько усмехаюсь.

Офис и без меня прекрасно продолжает работать. Улей не заметил, как из него выпихнули очередную сошку.

А я не сошка и не песчинка!

Я – Яна Садальская и вы, твари, меня ещё узнаете!

Внутри всё узлом завязывается от ярости, злость разъедает.

Ладони быстро сжимаю в крепкие кулаки, острые ногти до боли впиваются в нежную кожу.

Я всё им припомню!

Резким движением откидываю волосы назад. Иду быстро, заворачиваю направо и ударом открываю дверь, ведущую к ступеням, быстро спускаюсь вниз. Каблуки зло стучат по бетону. Душа горит от немыслимой ярости.

Выскакиваю на улицу и быстро запрыгиваю в свою любимую красную низкую Маздочку.

Папа подарил на двадцать пять лет.

Папа.

Мысли жгут сознание.

Как теперь объяснить ему всё?

Чёрт... чёрт!

Бью ладонями по рулю, пустым взглядом всматриваюсь вперёд.

Зараза.

Нет, он даже слушать меня не станет... папа меня просто прихлопнет.

Нервы до предела натягиваются. Перевожу мрачный взгляд на свои ладони и вижу, как сильно они подрагивают.

С шумом выдыхаю из себя весь воздух, а потом быстро хватаю телефон, нахожу в контактах знакомый номер и жму на зелёную кнопку.

Нервно тарабаню пальцами по рулю, пока идут длинные гудки.

- Ну же! Ну же, возьми! – поторапливаю и дёргаюсь, когда слышу хриплое:

- Неужели?

- Вик! – слишком громко выдаю, - Виктор, привет, - уже значительно тише.

- Ну, привет, лапуля, - его неспешный хриплый голос отдаёт сладким ядом, и я облизываю в нетерпении свои губы, пульс зашкаливает, пальцы судорожно, до скрипа впиваются в красный корпус телефона. Я знаю, что этот мужчина может мне дать и сейчас мне это очень нужно, - хочешь чего или просто так звонишь? Я немного занят.

- Вик! – инстинктивно дёргаюсь вперёд, боясь, что он отобьёт звонок, - Вик, мне нужно расслабиться... очень нужно, - хрипло выдаю, горло совсем пересохло от волнения.

Он молчит.

Долго.

Слишком долго и это меня убивает. Кровь за эти секунды превращается в кипяток. Дышу часто и рвано... а Вик слушает... и наслаждается моей агонией.

Гад!

Но я никогда не посмею сказать ему это в лицо.

Я на крючке у него.

Давно.

Прочно.

Безвыходно.

- Ты знаешь, где меня найти, лапуля, - говорит и нажимает отбой.

Выдыхаю. Медленно откладываю телефон на соседнее сидение.

За время короткого разговора моя кожа покрылась холодной испариной.

Помыться хочу ужасно.

Ложусь на руль и на несколько мгновений закрываю глаза. Дышу, просто дышу.

Знаю, что надо завязывать.

Понимаю, что нельзя... особенно сейчас нельзя.

Это не выход, а медленная смерть... это вредно, опасно и с каждым разом всё сильнее затягивает.

Я сама сейчас убиваю себя!

Я всё знаю, но внутри уже нарастает ядовитое предвкушение.

- Ааааа!!! – отчаянно ору, сильно бью по рулю и резко успокаиваюсь.

Поднимаю голову.

К чёрту всё!

Завожу машину, с пробуксовкой стартую с места и еду туда, где меня ждёт Вик, и я пусть ненадолго, но забуду о своих проблемах.

Охранники на входе пропускают меня без лишних вопросов. Днём тут непривычно тихо. Прохожу по узкому коридору, быстро минуя главный зал. Здесь никто не обращает на меня внимания.

По узкой винтовой лестнице поднимаюсь вверх. Сердце гроыхает в груди от животного страха и такого неправильного предвкушения.

Останавливаюсь перед знакомой чёрной дверью с номером «Одиннадцать».

Стучусь и жду, когда дверь откроется.

Он откроет.

Вик.

Нервно переминаюсь с ноги на ногу. Облизываю пересохшие губы.

Я бы уже вошла, но надо ждать. Я знаю, что нельзя входить самой. Вик должен открыть.

Чёрт... Сколько уже прошло?

Минута или больше?

Кусаю в нетерпении губы.

Нервы раскалены до предела.

Отчаяние захлёстывает.

Мне срочно нужно расслабиться!

- Проходи, лапуля, - наконец, мужчина открывает дверь, - у меня есть сюрприз для тебя.

Быстро вхожу в комнату, оглядываюсь. Вик бесшумно встаёт у меня за спиной.

Чувствую его горячий взгляд между лопаток. Сердце безумно грохочет в груди.

А Вик всё смотрит и смотрит.

От него веет лютой опасностью, и мне жутко страшно здесь с ним наедине.

Он кровожадный хищник без жалости, без души, без эмоций.

Хищник, снова загнавший очередную глупую... до безумия глупую жертву в своё жуткое логово.

- Держи, - хрипло произносит и вкладывает мне в руку что-то необычное, но сейчас мне плевать.

А дальше... дальше я прихожу в себя от сильной обжигающей кожу пощёчины. Резко распахиваю глаза, но взгляд размывается.

- Тварь! Какая же ты тварь, Яна!

Боже!

Подскакиваю, но тут же падаю на колени. Ноги не держат совсем.

Отец!

Боже, где же я так провинилась?!

- Папа... я не хоте... - шепчу, запинаясь, язык с трудом шевелится.

- Молчи, сволочь! Лежишь вся в собственной блевотине и моче! – орёт, грубо хватая за волосы и резко поднимает меня.

Слёзы брызжут из глаз. Руками пытаюсь убрать его пальцы со своих волос, но отец держит слишком крепко.

- Ааааа! Больно! Папааа!

- Не отец я тебе больше, шалава гнилая!!! Вся в свою суку-мать пошла! А я ведь всё лучшее тебе давал, думал, не прорастёт её гниль в тебе, а хрен там!

И снова хлёткая пощёчина обжигает щёку.

- Убью, тварь!

Диким взглядом вцепляется в меня и толстыми пальцами шею сильно сжимает.

Хриплю. Отбиваюсь, но он не отпускает.

Дышать не могу, голова кружится, но перед тем, как потерять сознание почти онемевшим языком успеваю прошептать:

- Не на... до, папа... я береме...

Михаил

- Спасибо, Мария Романовна, - скупно благодарю нашего повара, и женщина в строгой униформе и белом переднике быстро покидает столовую, видимо, прекрасно чувствуя моё паршивое настроение.

Сажусь во главе стола, закидываю в рот куски хорошо поджаренного бекона.

Жую механически. Только вот ни фига это мозг не отвлекает.

В голове мысли кипят, ни на секунду не отпускают.

Алёна. Сука-Яна. Авария.

- Блядь! – отплёвываю горячий кофе и со злостью ставлю чашку на стол, - да что за херня сегодня с утра происходит?!

Подвигаю к себе блюдо с фруктами, отрываю пару виноградин. Внутри злость как снежный ком разрастается.

Щёлкаю пультом и телевизор тут же выдаёт новостную картинку: разбитую красную Мазду вытаскивают из залива.

Кому-то вчера явно не повезло.

Перед весь смят, окна открыты и из них вода хлещет.

Жуткая картина.

Опускаю взгляд вниз, читаю бегущую строку и чувствую, как кровь от лица мгновенно отливает.

«Вчера ночью машина единственной дочери бизнесмена Игоря Архиповича Сададьского – Яны Сададьской пробила ограждения, вылетела с моста и упала в залив. На данный момент из затонувшей машины извлекли тело неизвестного мужчины, личность которого сейчас устанавливается. Тело Яны Сададьской, которая находилась за рулём Мазды, пока не найдено».

- Что это? Что за чёрт?!

Подскакиваю и остервенело жму на кнопку пульта, делая звук громче.

- Единственная дочь бизнесмена Игоря Архиповича Сададьского – Яна вчера...

Безжизненно опускаю пульт. Дальше уже не вслушиваюсь.

Твою мать... Янка...

Внутри всё стягивается в тугой узел.

Беру телефон, чтобы набрать Пашку, но экран мобильного вдруг вспыхивает входящим сообщением.

Сглатываю.

Какое-то паршивое предчувствие появляется внутри.

Открываю сообщение, пробегаюсь по нему глазами и тут же роняю телефон на стол.

- Откажись от участия в выборах, Миша, иначе следующей будет догадываешься кто? – как в тумане медленно повторяю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.